

Сегодня был восьмой день после возвращения Чжао Наня в академию.

До свободы оставалось пережить всего две четверти часа.

Он яростно водил кистью по бумаге, выписывая строки широкими размашистыми движениями — почти драконы плясали и фениксы летали.

Хо Чэнчуань сидел рядом, закинув ногу на ногу, и некоторое время с удовольствием наблюдал. Наконец не выдержал:

— Когда закончишь, дашь списать... то есть ознакомиться?

Чжао Наню было совершенно не до него. Не поднимая головы, он кивнул в сторону Мэн Инцзюня.

— Инцзюнь, осчастливь человека.

На кафедре учитель всё ещё говорил без остановки.

Мэн Инцзюнь сидел с идеально прямой спиной, но между бровей дёрнулась жилка. Он взмахнул рукой и отправил лист назад.

Хо Чэнчуань ловко поймал бумагу и уставился на написанное.

— «Древние говорили: обучай народ, не меняя его обычаев; управляй им, не нарушая того, что ему подходит. Укреплять границы следует не для того, чтобы отгородиться от варваров, но чтобы искать согласия с внешними землями...»

Он втянул воздух.

Ничего не понял, но впечатлился.

— Глубоко.

— Но мне не подходит.

Выразительные брови Хо Чэнчуаня приподнялись. Он решил обратиться к собрату по дну рейтинга и, наклонившись к Чжао Наню, расхохотался:

— Дай-ка посмотрю твоё.

Чжао Наня от его напора чуть не снесло в сторону. Он нахмурился и укоризненно вздохнул:

— Ты пожалеешь.

Хо Чэнчуань лишь усмехнулся и быстро пробежал глазами строки.

— «Еда — великое дело государства. Ныне для обороны границы следует использовать хого: сверху оно соответствует времени небес, согревая в холод, снизу соответствует выгодам земли, позволяя брать местные продукты. В котёл кипящего бульона положить десять цзиней мяса...»

Хо Чэнчуань:

— ...?

Чувства у него были смешанными.

Он выдохнул с искренним восхищением:

— Ты теперь вообще на баллы не рассчитываешь? Просто полностью ушёл в собственное искусство?

Лицо Чжао Наня мгновенно покраснело.

Он пнул Хо Чэнчуаня под столом и бессильно напомнил:

— Я сто раз говорил: не смей смеяться над моими работами...

Да хоть тысячу раз говори — толку никакого.

Получив ногой, Хо Чэнчуань рассмеялся ещё громче.

Учитель повернул глаза и как раз застал его улыбающуюся рожу.

Седая борода задрожала от ярости.

Он схватил линейку и с грохотом ударил ею по кафедре:

— Хо Чэнчуань! Встань у задней стены!

Тот и так выбрал себе самое дальнее место в углу. Позади уже была книжная стена — отступать некуда.

Хо Чэнчуань с деревянным лицом медленно поднялся и встал сзади. Если не знать его характера, издали можно было принять за образцового юношу правильных взглядов.

Правда, хватило его ненадолго.

Чжао Нань был вполне доволен собственным сочинением и уже собирался положить кисть, когда сзади раздалось:

— Псс-псс. Чжао Нань. Чжао Нань!

Он слегка откинулся назад, всем видом показывая готовность слушать.

За окном мелькнула высокая, безупречно прямая фигура в алом одеянии. По узору было ясно: придворная официальная форма.

На ткани был вышит летящий ман.

Хо Чэнчуань что-то заподозрил, прищурился и всмотрелся в человека, разговаривавшего вдаль с учителем Чжаном.

Он не ошибся.

— Князь приехал!

— Стоит там и разговаривает с учителем Чжаном!

Одной фразой он поднял в душе Чжао Наня тысячеметровую волну.

Накатила знакомая школьная паника: родитель внезапно пришёл выяснять у учителя, как учится его ребёнок.

Последние дни Фу Цзюэчжи всегда ждал его в карете за воротами академии. Внутрь и к наставнику зашёл впервые.

Чжао Нань моментально собрался и засунул своё совершенно бессмысленное сочинение между страницами книги.

Спрятал намертво.

Вы шутите? Если Фу Цзюэчжи увидит это научное преступление, что с ним будет?

Как и тысячи несчастных учеников до него, Чжао Нань всей душой не желал, чтобы «родитель» проверял домашнюю работу, напоминающую сборище демонов и чудовищ.

Китайская система образования победила.

После этого он нервничал до самого конца урока.

Всё время сидел идеально прямо и выглядел образцовым прилежным учеником.

Реальность была несколько иной.

Он так и не выучил стихи, заданные ещё месяц назад, поэтому учитель Чжан сегодня оставил его после занятий.

Хо Чэнчуань и Мэн Инцзюнь прекрасно понимали его страдания. Они переглянулись, мерзко ухмыльнулись и умчались быстрее ветра, оставив лишь одну фразу:

— Сегодня вечером обязательно приходи!

Раз дело серьёзное, Чжао Нань торжественно кивнул.

Поднялся осенний ветер. Во внутреннем дворе академии стало прохладно.

Он со страдальческим лицом глубоко вдохнул и медленно поплёлся к кабинету учителя Чжана.

Постучал.

— Входи.

Голос был старым и строгим.

Чжао Нань открыл дверь.

Чжан Цзи сидел за столом у окна, а возле ароматного столика стояло ещё одно кресло.

Фу Цзюэчжи расслабленно сидел в нём, длинными пальцами вращая чайную чашку. Узкие уголки глаз чуть поднялись, когда он посмотрел в сторону двери.

Встретившись с ним взглядом, Чжао Нань жалобно сморщил нос и почти рефлекторно потянулся ближе к знакомому человеку.

— Выучил?

Чжан Цзи погладил бороду.

Он всю жизнь отличался прямотой и строгостью, но к Чжао Наню относился не слишком сурово.

Не потому, что боялся его связи с князем Чжэньбэй.

Просто характер у этого ученика был удивительно хороший.

Увидев кивок, Чжан Цзи закрыл глаза, словно отдыхая, и спокойно велел:

— Рассказывай.

Наступила осень, даже цветы у окна начали увядать.

Под почти незаметным взглядом Фу Цзюэчжи Чжао Нань чувствовал себя неловко, но всё же заставил себя начать:

— «Есть Великий человек, для которого небо и земля — одно утро, а десять тысяч лет — лишь мгновение...»

Чжан Цзи время от времени кивал и не перебивал.

— «Внезапно опьянев — забывается, совершенно протрезвев — пробуждается».

— «Совершенно протрезвев — пробуждается...»

Именно здесь Чжао Нань застрял.

Он повторил начало несколько раз, до красноты сжал губы, но следующая строка никак не вспоминалась.

Фу Цзюэчжи подпёр подбородок и опустил взгляд с улыбкой.

Подушечка пальца коснулась пролитого на столе чая. Костяшки негромко, но отчётливо постучали по дереву:

Тук. Тук.

Чжао Нань надул губы и с упрёком покосился на него.

Фу Цзюэчжи поднял глаза, встретился с влажным взглядом и едва слышно рассмеялся.

Длинный мокрый палец медленно провёл по чёрному дереву ароматного столика.

На поверхности остались два иероглифа:

«Тихо слушать».

Чжао Нань сидел близко. Сначала подозрительно прищурился, а потом мгновенно оживился.

Строка всплыла в памяти.

— «Тихо слушает — и не слышит даже грома...»

Дальше всё пошло гладко, и он без остановки закончил отрывок.

Замолчав, Чжао Нань довольно облизнул губы, сияющими глазами посмотрел на Фу Цзюэчжи и расплылся в озорной улыбке.

Надо же, князь и такое умеет.

Осенний ветер тронул рукава.

Фу Цзюэчжи слегка поднял бровь, встал и подошёл к Чжао Наню.

Высокий, стройный, с обычно холодными чертами, которые сами собой смягчились, он кивнул Чжан Цзи:

— Благодарю господина Чжана за заботу.

Значит, собирался забирать человека.

Но Чжан Цзи был строг. Даже выслушав всё до конца, он остался недоволен.

Учитель поднялся и поклонился князю согласно правилам, затем повернулся к Чжао Наню:

— Читаешь всё ещё недостаточно свободно. Выучено непрочно.

Чжао Нань давно знал, как с ним обращаться.

Он послушно улыбнулся:

— Тогда ученик перепишет отрывок один раз дома и завтра утром принесёт наставнику на проверку?

За окном осыпались лепестки.

Взгляд Чжан Цзи стал рассеянным — мысли ушли к письму, которое несколько дней назад прислал глава академии Ли.

Фу Цзюэчжи только что тоже упоминал это дело.

Учитель отвлёкся, посмотрел на Чжао Наня и наконец беспомощно согласился.

<http://bllate.org/book/19943/1983944>